
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Л.М. ДАМЕШЕК

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «иностранцев» к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия. Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На Востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII–XIX вв. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Однако на всех этапах колонизации пространств Азиатской России московские, а затем и петербургские правители всегда отводили немаловажное значение вопросам христианизации вновь присоединенных территорий, населенных в основном и народами, исповедующими язычество. Цивилизаторские тенденции империи, связанные со стремлением правительства не только приобщить сибирских аборигенов к земледелию и оседлости, но и научить последних жить и думать по-русски ярко проявились и в политике христианизации.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «иностранцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «иностранцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колониальной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие

колониационной политики России по отношению окраинам государства от колониальных империй Запада.

На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочнение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение православной церкви сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было 5 епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравнению» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещенных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещенных «инородцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной.

В этом смысле важным этапом по распространению православия среди окраинных «инородцев» стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При афишируемом покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 1890-х гг. в его рядах состояло около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1 300 000 р. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество оказывало материальную помощь всем православным миссиям империи, тем не менее 50% денежных ресурсов общества шло на содержание сибирских миссий. В начале XX в. на территории Сибири постоянно действовало 8 православных миссий. Немногочисленными были серверные Березовская и Туруханская миссии. Такие же миссии как Алтайская, Иркутская, Забайкальская наоборот активизируют свою деятельность, растут их численность, упрочивается материально положение.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью перевод и издание на «инородческих» языках религиозных книг и агитаци-

онных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования братство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н.И. Ильминским опубликовали десятки религиозных воззваний.

Этим же целям служили многочисленные попытки вербовки миссионеров из лиц местной национальности, обучение миссионеров языкам народов Сибири. В 1907 г. Синод официально разрешил проводить богослужение на «инородческих» языках. С целью активизации проповеди православия в Сибири получает распространение такая форма деятельности, как организация миссионерских станов — опорных пунктов православия, максимально приближенных к местам проживания аборигенов. Священники миссионерских станов освобождались от приходских обязанностей. К началу XX в. число миссионерских станов и служителей в них возросло более чем в два раза. Наиболее быстрый рост отмечался в Забайкальской Епархии, что являлось следствием особой агрессивности православных иерархов по отношению к ламаизму.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и иерархи. Характерно, что на съездах рассматривались не только чисто религиозные, но и общеполитические вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства, управления, привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, введения у них паспортного режима и другими аспектами политики империи в отношении аборигенов.

В пореформенный период русская православная церковь выступила как крупнейшая консервативная сила. Союз церкви и самодержавия носил политический характер. Этим определялась и политика имперского государства по отношению к православной церкви, которая проводила наступательный, а подчас и агрессивный курс в отношении нерусских народов. В XIX в., как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что большая часть крещенных аборигенов Сибири формально относилась к православию, сохранялось двоеверие. Неприятие народами Сибири догматов православия ярко проявилось в массовом отходе от новой религии в годы первой русской революции, что объективно являлось выражением социального протеста нерусских народностей против имперской политики, стремлением сохранить традиционные религиозные верования. Тем не менее, политика христианизации местных народов как важнейшее средство их обрусения по-прежнему оставалось в центре внимания государства. В результате к началу XX в. большинство коренного населения губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Якутской области было «просвещено святым крещением», в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же буддизм. На методы и формы распространения православия определенное влия-

ние оказывали экономические процессы. Это предопределило переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным. На основе сопоставления церковной политики империи Сибири с многонациональными районами Поволжья, Приуралья и другими мы приходим к выводу об идентичности основных устоев этой политики. В то же время в ряде случаев государственная политика в церковных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, что свидетельствовало о способности самодержавного государства к лавированию, стремлению найти оптимальные, с точки зрения имперских интересов, способы решения возникающих вопросов.

*Л.М. ДАМЕШЕК
И.З. СОСНОВСКИЙ*

РЕФОРМА СИБИРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ М.М. СПЕРАНСКОГО И ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ КОМИТЕТ

Административная реформа 1822 г. стала одним из важнейших этапов в развитии Сибирской законодательной базы. О необходимости этой реформы говорили еще задолго до времени ее исполнения. В 1809 г. сам Сперанский высказывался за создание совещательных и контролирующих органов при генерал-губернаторах.

Назначенный в Сибири генерал-губернатором Пестель с чрезвычайными полномочиями по подавлению жалобщиков и обширными правами на самоуправление, препорученными Трескину, ставшему полновластным его заместителем, создали своей крайне деспотичной политикой необходимые предпосылки к скорейшему реформированию. И, хотя сам Пестель, как и его заместитель Трескин, были людьми деятельными и немало сделали для города (были «подняты» и высушены площади, по грязным улицам постелены новые деревянные настилы, разработан ряд проектов по сокращению бюджетных затрат, Трескин собрал деньги на каменные городские ворота, составлен и претворен в жизнь проект по архитектурному облагораживанию города и др.), тем не менее, период их управления связан с расцветом взяточничества и злоупотреблений (архитектурный проект явился жесточайшей борьбой с ветхими строениями и кривыми улицами, сопровождающийся репрессивными мерами против населения, а борьба за единоличную власть над делами сибирскими в репрессивные меры против купечества). Эти злоупотребления имели место не только в Иркутской губернии.

И, по мнению самого М.М. Сперанского, явились эти преступления не следствием личностных качеств самих генерал-губернаторов, хотя они и не были непогрешимы, но строением самой системы власти, системы управления.